

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩЕГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ США И КНР И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

© 2023 г. А. А. Кокошин^{a,b,*}, З. А. Кокошина^{c,**}

^aИнститут перспективных стратегических исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^bФакультет мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^cИнститут социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

*E-mail: aakokoshin@gmail.com

**E-mail: zlata.kokoshina77@gmail.com

Поступила в редакцию 09.07.2023 г.

После доработки 17.08.2023 г.

Принята к публикации 31.08.2023 г.

По мнению авторов статьи, вопросы глобализации и деглобализации необходимо рассматривать прежде всего сквозь призму нарастающего противоборства двух крупнейших государств мира — США и КНР. Масштабность и глубина этого противостояния нарастают; оно приобретает всё более идеологизированный, а также политико-военный характер. Соединённые Штаты, прежде всего в силу сложного комплекса внутренних проблем, выступают сейчас главной движущей силой деглобализации, хотя ещё 25–30 лет назад именно эта страна была в авангарде обратного процесса — глобализации. Напротив, руководство КНР, которая получила большие выгоды от участия в экономической глобализации, в том числе в рамках Всемирной торговой организации, настойчиво демонстрирует свою приверженность растущей экономической взаимозависимости стран и регионов. Эта приверженность отмечена в том числе в российско-китайских документах высшего уровня. Процессы глобализации и деглобализации имеют большое значение для социально-экономического развития России, экономика которой является частью мирового хозяйства, несмотря на все антироссийские усилия коллективного Запада в рамках его гибридной войны против РФ.

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, геополитическое противоборство, научно-технологическое соперничество, протекционизм, социально-экономическое развитие, глобальные цепочки добавленной стоимости, интересы России, новая социальная реальность России.

DOI: 10.31857/S0869587323100080, EDN: IHLMNU

КОКОШИН Андрей Афанасьевич — академик РАН, директор ИПСИ НИУ ВШЭ, заведующий кафедрой международной безопасности Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. КОКОШИНА Злата Андреевна — научный сотрудник ИС ФНИСЦ РАН.

Обобщая различные формулы глобализации как явления в её экономическом и технологическом измерении, представленные в ряде отечественных и зарубежных трудов, можно выделить следующие её черты:

- рост взаимосвязанности и взаимозависимости мировых финансовых рынков, валют, банков за счёт снижения барьеров на пути трансграничного движения товаров и услуг (в том числе финансовых операций);
- развитие глобальных рынков энергоносителей и продовольствия;
- стремительное развитие киберпространства и глобальной информационной среды благодаря Интернету, приложениям, СМИ;

- развитие торговых и пассажирских транспортных систем (со значительным сокращением стоимости транспортировки и устранением барьеров на пути трансграничных потоков товаров, услуг, капитала, знаний и людей);

- нарастание туристических потоков;

- рост мировой миграции;

- создание глобальных цепочек добавленной стоимости — применительно к электронике, производству автомобилей, судостроению, станкостроению и др.

Однако понятие “глобализация” используется и в более широкой трактовке — с охватом экономических, социальных и культурных изменений внутри отдельных государств под влиянием процессов, происходящих в мире. Но это отдельная тема, требующая специальных исследований, огромных объёмов данных и многопрофильных коллективов.

В настоящее время тенденции глобализации — деглобализации во многом являются производными от динамики соотношения сил и взаимоотношений двух самых крупных государств и двух ведущих экономик мира — США и КНР. На этом и сосредоточено основное внимание в настоящей статье.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI вв.

Некоторые отечественные и зарубежные исследователи указывают на то, что глобализация имеет глубокие исторические корни, что одна из её предыдущих волн имела место во второй половине XIX — начале XX в., до Первой мировой войны. Эта точка зрения имеет право на существование, но требует отдельного рассмотрения.

Начало современного нам этапа глобализации многие связывают с экономической политикой президента США Р. Рейгана и британского премьер-министра М. Тэтчер в 1980-е годы, а затем с периодом после распада СССР, когда США остались на определённый исторический период единственной сверхдержавой. Как справедливо отметил В.Б. Кувалдин, “никогда со времён Римской империи ни одно государство не играло столь значительной роли в мировой истории, как США в течение двух десятилетий после окончания холодной войны” [1, с. 9].

Для того периода характерен ренессанс либеральных идей в экономической политике наиболее развитых государств. Кейнсианская парадигма сменилась неолиберальной экономической моделью, которая предполагает: уменьшение роли государства, дерегулирование, приватизацию, снижение налогов, сокращение программ социального обеспечения, стимулирование экономического роста и т.д. Неолиберальные идеи стали

играть всё более важную роль во внешней политике многих государств, начиная с США, и в политике международных экономических организаций [2, с. 94]. Преобладание нелиберальных идей в тот период связано, по мнению Ал.А. Громыко, с исчезновением социалистической альтернативы вследствие распада Советского Союза и всей социалистической системы. Противостоять неолиберальной волне не смогла — ни теоретически, ни практически — и другая, умеренная альтернатива — европейский “третий путь” (также “средний путь”), опиравшийся на принцип социального рынка и государства благосостояния [3, с. 20].

Фактически под контролем США в конце XX столетия оказались такие важные международные организации, как Всемирный банк (ВБ), Международный валютный фонд (МВФ), а также Всемирная торговая организация (ВТО), преобразованная в 1994 г. из ГАТТ — Генерального соглашения по тарифам и торговле. ВТО была прежде всего ориентирована на распространение режима свободной торговли, выгодного в то время главным образом для США. Эти крупные институты стали важными инструментами глобализации.

Под влиянием упомянутых организаций (а фактически под влиянием США) оказались многие государства, в том числе Российская Федерация и другие постсоветские страны. Немало политиков, учёных, СМИ поддерживали идею глобализации, которая рассматривалась тогда как безальтернативный нарастающий процесс, имеющий разнообразные и глубокие социально-политические и социокультурные последствия, охватывающие обозримую перспективу в будущем.

В 1990-е годы глобализация стала и очень важной западной идеологемой, причём довольно агрессивного толка. В доминировавшей либеральной мысли активно развивались такие темы, как глобальное гражданское общество и мировое управление. Распространение идеи глобализации сопровождалось навязываем американской модели социально-политического развития, характерных для этой страны культурных, экономических и политических ценностей, которые якобы должны стать образцом для остального мира [4, с. 51, 52].

С начала 1990-х годов глобализация «идеологически ассоциировалась с триумфом политического либерализма и рассматривалась как механизм распространения норм и ценностей либерализма за пределы “исторического Запада” на весь остальной мир» [5, с. 4]. К концу правления Б. Клинтона ставка на глобализацию стала полуофициальной внешнеполитической доктриной США. В то же время начали проявляться негативные стороны этого процесса для многих стран и сотен миллионов людей, включая сами Соединённые Штаты [6, с. 31].

В 1990-е годы широкое распространение получили представления о размывании границ государства, об уходе нации-государства на вторые роли в мировой политике и передаче его функций другим субъектам, в первую очередь транснациональным корпорациям.

Следует отметить, что в важнейших международно-правовых документах, признаваемых Российской Федерацией, а также в практике мировой политики уже на протяжении многих десятилетий понятие “нация” (nation) используется как синоним суверенного государства. В современных условиях нация — это сформировавшееся гражданское общество и политическая общность в определённых государственных границах на определённой территории. То есть речь идёт о крупных социально-политических организациях, имеющих свои историю и традиции. Производными от понятия “нация-государство” являются такие исключительно важные концепты, как “национальные интересы” и “национальная безопасность”, активно используемые практически всеми государствами и политическими лидерами при проведении в том числе той или иной линии применительно к проблеме глобализации и деглобализации. А.Д. Богатуров обоснованно обратил внимание на то, что “идея отмирания суверенитета, пассивно принятая было российской властью в 1990-х гг., в начале 2000-х гг. стала ею активно отвергаться” [7, с. 205].

В период подъёма глобализации её мировыми адептами подчёркивалась возросшая роль негосударственных международных организаций, активных во многих областях (гуманитарной, в области обеспечения прав человека и др.). А значит, ставились под вопрос суверенные права государства. Утверждалось, что суверенитет в духе принципов Вестфальской системы утрачивает своё значение. Одному из авторов данной статьи неоднократно приходилось доказывать несостоятельность теории (гипотезы), в соответствии с которой в ходе глобализации уходит в прошлое ключевое значение нации-государства и реального суверенитета, что на место этих субъектов мировой политики (не только мировой экономики) приходят ТНК и другие негосударственные акторы [8, с. 1090–1097].

В качестве доводов в пользу десуверенизации многих крупных, средних и небольших государств приводился пример Европейского Союза, возникшего в 1992 г. в результате достижения Маастрихтских соглашений, после длительной эволюции системы европейской экономической интеграции в рамках Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Нельзя не отметить, что при формировании ЕС вошедшие в это крупнейшее объединение страны действительно делегировали ряд традиционных прерогатив нации-государства

в экономической и социальной сфере наднациональным органам. Развитие интеграции в Европе (со значительным расширением ЕС), как и формальный суверенитет многих стран третьего мира — бывших колоний, давало повод заявлять, что размывание суверенитета — это мировой тренд.

Нередко на Западе утверждалось, что модель ЕС применима и к другим регионам мира, другим государствам, но, разумеется, не к США, занявшим уникальное место в системе мировой политики и в мировой экономике. Однако даже в Штатах определённая часть деловой и политической элиты была склонна пожертвовать некоторой долей прерогатив государства ради повышения экономической эффективности крупнейших американских транснациональных субъектов и вступить в новые гигантские международные интеграционные объединения. Речь шла о создании Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) (а на следующем этапе и Трансатлантического торгово-инвестиционного партнёрства — ТАТИП). На эти объединения Соединёнными Штатами и их партнёрами возлагались большие надежды, связанные с ростом экономики этих стран в результате упрощения процедур движения товаров и услуг, передачи технологий, урегулирования торгово-экономических споров и т.д. [9, с. 15–33]. Предполагалось, что главенствующая роль в подобных объединениях будет принадлежать американским ТНК, несмотря на то, что США пришлось бы согласовывать многие вопросы собственной экономической политики со своими партнёрами по объединениям — как с крупными, так и средними высокоразвитыми в экономическом отношении государствами с оглядкой на их интересы и позиции. Возможные действия Соединённых Штатов, их союзников и партнёров в этой связи по отношению к КНР и России, которые оставались бы вне этих гигантских интеграционных объединений, вызвали значительную озабоченность и в Китае, и у нас.

Одной из черт мирового развития в эпоху глобализации стал рост социально-экономического расслоения, неравенства. Этот процесс затронул подавляющее большинство стран мира, включая США и КНР, не обошёл он стороной и Россию. После распада СССР неравенство в РФ росло очень быстрыми темпами, особенно в 1990-е годы, когда реальные доходы населения в целом значительно снижались [10, с. 323–354, 347]. (Именно поэтому сейчас в РФ весьма велик запрос на социальную справедливость, на расширение возможностей для различных групп российского населения, на обеспечение социальной мобильности молодёжи [11, с. 152, 154].)

Подавляющее большинство специалистов сходятся во мнении, что расцвет современной

глобализации пришёлся на первые годы XXI в. (до мирового кризиса 2007–2008 гг.). Но именно в тот период зародилось массовое транснациональное, в основном сетевое, движение антиглобалистов. Оно носило очень пёстрый характер, вобрав в себя разного рода организации как из развитых, так и из развивающихся стран: “зелёные”, левые группы и движения, пацифисты, защитники окружающей среды, защитники прав потребителей и др. Среди прочего антиглобалисты протестовали против деятельности Всемирной торговой организации и засилья “группы семи” (в составе США, Великобритании, Германии, Японии, Франции, Канады, Италии). Пик такого рода антиглобалистского движения, по-видимому, остался в прошлом, завершившись пандемией коронавируса.

РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССОВ ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ

Конец первого десятилетия XXI в. ознаменовался свёртыванием глобализации по ряду её параметров, развитием обратных ей процессов. Иными словами, началась деглобализация.

Первый удар глобализации был нанесён мировым кризисом 2007–2008 гг., который начался с того, что лопнул “финансовый пузырь” ипотечного кредитования в США. Финансовый кризис перерос в экономический с сокращением потребления топлива, сырья, материалов, с соответствующим обрушением цен, в том числе на нефть и природный газ, что не могло не отразиться на финансах и экономике России [12, с. 10–12]. Об итогах этого кризиса, его триггерах регулярно вспоминают и сейчас, особенно когда происходит обострение каких-либо проблем в банковской системе США, которые, как предполагается, могут самым негативным образом отразиться на финансовой системе других стран (включая Россию).

До кризиса 2007–2008 гг. среднегодовые темпы роста мирового ВВП длительное время составляли 4.7%; при этом мировой оборот торговли товарами и услугами увеличивался в среднем на 8% в год [13, с. 16]. После кризиса наблюдалось замедление средних темпов роста мировой торговли до уровня чуть выше темпов прироста мирового ВВП [10, с. 332]. В период кризиса многие страны, прежде всего США и страны ЕС, приняли целый набор протекционистских мер, чтобы защитить свою экономику. Глобализация мировой экономики была заметно заторможена.

Примечательным событием явилось прекращение членства Великобритании в Европейском союзе в 2020 г. на основании референдума 2016 г., когда 51.9% его участников высказались за выход страны из ЕС.

Очевидным тормозом процесса глобализации стала и пандемия коронавируса, в условиях которой произошло значительное сокращение туристических потоков, перевозок пассажиров, снижение масштабов мировой внешней торговли [14].

Частью процесса деглобализации можно считать действия США и их союзников и партнёров по введению разного рода санкций, особенно в отношении России и КНР.

Представляется очевидным, что процессы деглобализации во всё большей мере связаны с ослаблением позиций США на фоне усиления роли КНР и реакцией на это значительной части американской деловой и политической элиты, в целом населения Соединённых Штатов. За последние 15–20 лет произошли серьёзные макроструктурные сдвиги в мировой экономике и мировой политике, обусловленные возвышением Китая и отчасти Индии, прежде всего за счёт роста экономики, а затем и военной мощи КНР, особенно в последние 5–7 лет. Очевидно и усиление внешнеполитической активности Поднебесной, инструментами которой становятся яркие и понятные китайскому обществу идеологемы [15, с. 138–152].

По некоторым данным, в 1992 г., сразу после распада СССР, ВВП Соединённых Штатов оценивался в 6.52 трлн долларов, что составляло около 25.6% мировой экономики, в то время как ВВП Китая достигал 426.9 млрд долларов, или 1.67% мировой экономики. То есть КНР отставала от США в 15 раз, являясь десятой экономикой мира. К 2020 г. американский ВВП вырос более чем в 3 раза и достиг 20.94 трлн долларов, но вклад США в мировую экономику снизился до 24.7%, в то время как за тот же период китайская экономика выросла более чем в 34 раза — до 14.72 трлн долларов (примерно 70% ВВП США¹). После 2005 г., с расширением базы экономического роста Китая, его экономика значительно выросла и в абсолютном, и в относительном выражении. Доля КНР в мировом экономическом производстве ежегодно росла примерно на 1% — с 4.8% в 2005 г. до примерно 17% в 2021 г. [17, с. 111]. КНР в максимально возможной мере использовала

¹ Крупным событием этого периода в плане соотношения процессов глобализации и деглобализации можно считать меры по стимулированию роста добычи в США нефти и природного газа (со значительными отрицательными экологическими последствиями), что вернуло Соединённым Штатам ранее утраченную ими на десятилетия позицию нетто-экспортёра углеводородов. Это привело, в частности, к тому, что США стали независимыми от импорта нефти с нестабильного Ближнего Востока. Отмечается, что превращение США в нетто-экспортёра углеводородов способствовало усилению их политико-военных позиций по отношению к КНР, у которой сохраняется высокая степень зависимости от импорта нефти с Ближнего Востока через Индийский океан, где США сохраняют значительное военное присутствие [16].

ВТО, в которую вступила в декабре 2001 г. после длительных упорных переговоров, добившись статуса развивающейся страны со всеми полагающимися преференциями. К настоящему времени стало очевидно, что главный бенефициар глобализации — Китай.

Процесс ослабления позиций США перед лицом Китая в немалой степени связан с активным переносом американскими транснациональными корпорациями многих производств с территории США в другие страны, особенно в Китай, что обернулось утратой американцами многих миллионов рабочих мест. В Соединённых Штатах широко распространённым стало мнение о том, что произошла замена американских работников китайскими. Китай шаг за шагом занимал всё более видное место в глобальных цепочках поставок в целом ряде высокотехнологичных секторов, включая производство полупроводников, критически важных материалов, электрических батарей, солнечных панелей, фармацевтической продукции [19].

В то же время Китай пока не занял достаточно высокого места в глобальных цепочках добавленной стоимости. Для того чтобы подняться по этим цепочкам на более прибыльный уровень, руководство КНР намерено акцентировать внимание на устранении имеющихся узких мест в производственно-сбытовых отношениях и укреплении внутреннего производственного потенциала, в том числе за счёт стимулирования развития небольших отечественных инновационных компаний до уровня нишевых лидеров, опираясь на опыт создания целого ряда высокотехнологичных компаний [18, с. 105, 107]. (Наибольший объём добавленной стоимости в её глобальных цепочках создаётся в таких странах, как США, Германия, Канада. Китай в соответствующем рейтинге находится на третьем уровне [20, с. 48, 49].)

РОЛЬ США В ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ КИТАЙСКОГО ВЫЗОВА

Как уже было сказано, глобализацию и деглобализацию необходимо рассматривать прежде всего во взаимосвязи с динамикой развернувшегося геополитического противоборства — политического, идеологического, экономического, технологического, военно-стратегического, в первую очередь между США и КНР. Такое противоборство тесно связано с внутренним развитием этих и других стран. Процессы глобализации и деглобализации во многом являются производными от динамики соотношения сил и взаимоотношений двух самых крупных государств и двух ведущих экономик мира.

В Стратегии национальной безопасности США 2022 г. отмечается: “Китай представляет собой самый серьёзный геополитический вызов Америке. Хотя наиболее остро его результаты будут сказываться в Индо-Тихоокеанском регионе, у этой проблемы есть значительные глобальные аспекты”. КНР рассматривается как единственный опасный конкурент США, имеющий намерение “изменить международный порядок”, задействовав всю экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь для достижения этой цели. “Пекин притязает на превращение в ведущую мировую державу” — так в данном документе оцениваются намерения и устремления руководства Китая [21].

Очень существенную роль в политике США в отношении КНР играют американские внутриполитические и социально-экономические (в том числе демографические) процессы, которые носят глубинный характер. В их числе рост социально-экономического неравенства, стагнация доходов среднего класса, угроза утраты белыми позиций ведущей расово-этнической группы на фоне увеличения в населении доли афроамериканцев и испаноговорящих [22, 27]. Эти тенденции усиливают политическую нестабильность в США, способствуют углублению поляризации в американском обществе, в том числе на расовой основе.

Среди значительной части американских граждан обозначился рост националистических настроений, противоположных либеральным установкам (идеологемам) 1990-х — начала и первого десятилетия 2000-х годов. Наблюдаемые изменения рынка труда противоречат интересам среднего класса, который на протяжении долгого времени оставался оплотом американской демократии. Медианный уровень заработной платы американского населения вырос за 2000–2010 гг. лишь на 1.1%, в то время как медианный показатель заработной платы высокодоходного сегмента занятых — на 7.3%, а низкодоходного, напротив, снизился на 5.3%, то есть налицо усиление поляризации общества по доходам. В ВВП страны продолжает сокращаться доля труда, при этом темп роста доходов отстаёт от темпов роста производительности труда [23, с. 94]. Растёт разрыв в благосостоянии между белым и чёрным населением США. Речь идёт не только о собственном доходе, но и о дискриминации при приёме на работу, по условиям получения кредитов, приобретения жилья, по показателям тюремного заключения и т.п. Для решения проблем афроамериканского населения требуются огромные средства: чтобы сократить существующий разрыв вдвое, надо затратить 7.5 трлн долларов, а чтобы его устранить — 15 трлн долларов [24]. (Все мы помним протесты чернокожих в США летом 2020 г. после убийства полицейскими Джорджа

Флойда, принимавшие насильственную форму. Они имели сильный международный отклик [25, с. 178].)

Как отмечает, В.Б. Супян, позитивные результаты неолиберальной экономической политики в США за последние 20 лет коснулись прежде всего предпринимателей, инвесторов, в целом высокооплачиваемых и высококвалифицированных специалистов, жителей крупных городов и логистических центров, доходы которых росли. Однако значительная часть населения Соединённых Штатов (нижние 3/5 доходополучателей, то есть около 150 млн взрослых граждан страны) оказалась в проигрыше [23, с. 93]. По данным опроса Исследовательского центра Пью (апрель 2023 г.), большинство американцев считают, что в перспективе до 2050 г. положение дел в стране будет усложняться и ухудшаться. По мнению опрошенных, американская экономика будет слабее (60%); США будут играть менее важную роль в мире (71%); страна будет ещё более политически разделена (77%); разрыв между богатыми и бедными увеличится (81%). Только 19% респондентов удовлетворены тем, как сейчас в стране обстоят дела, в то время как 80% высказывают недовольство. Значительно выросло число американцев, которые считают, что сегодня жизнь в США значительно хуже, чем 50 лет назад [26]. Однако такие общественные настроения не сказались на попытках американского политического класса добиться лидерства США в мировых делах, на попытках, которые нашли отражение в целом ряде документов стратегического планирования как республиканской, так и демократической администраций. Более того, по ряду направлений стремление обеспечить подобное лидерство принимает всё более агрессивный характер.

В последние десятилетия XX и в начале XXI в. в Соединённых Штатах произошло замедление роста инвестиций в человеческий капитал, включая фундаментальные научные исследования и производственную инфраструктуру. В частности, федеральные расходы на образование, инфраструктуру и НИОКР сократились с 2,5% ВВП в 1980 г. до менее чем 1,5% в 2020 г. [23, с. 95].

У значительной части политической и деловой элиты США, да и населения в целом, стала усиливаться тревога (вплоть до предельно алармистских настроений) по поводу относительного снижения позиций страны в мировой экономике и мировой политике. А ведь лидерство США на протяжении десятилетий считалось непреложным фактом, одним из важнейших элементов мироощущения подавляющего большинства американцев. Подобные умонастроения ярко проявились в ходе президентских выборов 2016 г., когда главными предвыборными лозунгами Д. Трампа стали “Америка прежде всего” и “Сделаем Аме-

рику вновь великой”. На этой волне возник трампизм как политическая идеология, которая сохраняет своё значение в Республиканской партии и после поражения Трампа на выборах в 2020 г. [27, с. 192]. Надо сказать, что при Дж. Байдене курс на обеспечение США ведущего места в мире сохраняется. Так, во введении к Стратегии национальной безопасности США 2022 г. заявляются весьма амбициозные цели относительно обеспечения “американского лидерства”, потребность в котором в мире якобы “столь же высока, как и всегда” [21].

Перечисленные признаки ухудшения экономического и внутривнутриполитического положения в США, как и ослабление Европейского союза, объективно играют против глобализации.

В США в целом признают огромные достижения КНР не только в экономической и социальной сферах, но и в науке и технологиях. В том числе это относится к технологиям искусственного интеллекта (ИИ), квантовым технологиям, суперкомпьютерам, мобильной связи пятого поколения, к ряду биотехнологий и технологиям “зелёной энергетики”. Всё чаще говорится, что Китай способен стать мировым лидером в этих областях [28]. В то же время американцы весьма озабочены последствиями реализации огромных по своим масштабам внешнеэкономических проектов КНР. Американские политики бьют тревогу по поводу того, что инициатива “Пояса и пути”, объявленная Си Цзиньпином в 2013 г. во время визита в Казахстан, может оказаться своего рода “тройным конём” для многих стран и регионов. Эта инициатива охватывает 47 стран, 2/3 населения мира с 40% мирового ВВП. В дополнение к финансированию многочисленных проектов возведения инфраструктуры предполагается создание сотен специальных экономических зон, строительство десятков тысяч километров железных дорог, автомобильных трасс, трубопроводов для транспортировки энергоносителей, то есть сотни миллиардов долларов инвестиций. Этот мегапроект включает два основных компонента – “Экономический пояс шёлкового пути” и “Морской шёлковый путь” [29].

В то же время в США отмечают наличие в КНР большого числа сложных проблем, которые, по ряду оценок, позволяют рассчитывать на успех противоборства Соединённых Штатов и их союзников с Китаем. Так, в интегрированном аналитическом документе разведывательного сообщества США отмечается, что у Китая “мириады проблем”, внутренних и международных, в ряде случаев нарастающих, которые-де повлияют на реализацию “амбиций лидеров КПК”. Среди этих проблем называют старение населения, высокий уровень корпоративного долга, экономическое неравенство и “растущее сопротивление”

на международной арене “жёсткой тактике” Китая в отношении Тайваня и других стран [19].

При Трампе высшие должностные лица США стали упрекать КНР в экономической агрессии, в краже американской интеллектуальной собственности и вмешательстве в выборы в США, в якобы имеющем место притеснении этнических и религиозных меньшинств в Китае [30, с. 108]. Позднее со стороны госдепартамента США последовали обвинения в адрес руководства Китая в геноциде и преступлениях против человечности. Антикитайские резолюции по этим вопросам принимал и Конгресс США [31].

Антикитайская политика США характеризуется попытками активного вмешательства во внутренние дела КНР. Это крайне негативно воспринимается в Китае. 27 ноября 2019 г. Д. Трамп подписал закон “О правах человека и демократии в Гонконге”, что стало фактом грубого вмешательства во внутренние дела КНР. Этот закон позволяет Соединённым Штатам применять санкции к лицам, ответственным за нарушения прав человека в Гонконге. Трамп выдвинул требование, чтобы ежегодно официальные лица в Вашингтоне оценивали, пользуется ли Гонконг “высокой степенью автономии” от Пекина. 23 июля 2020 г. госсекретарь США Майк Помпео произнёс резко идеологизированную речь под названием “Коммунистический Китай и будущее свободного мира” [30, с. 109].

Такая линия в значительной мере сохраняется и у администрации Дж. Байдена. В официальном документе директора Центральной разведки Китая обвиняется в том, что на международной арене он пытается посеять сомнения относительно лидерства США, подорвать демократию, стремится повлиять на американских политиков всех уровней (в том числе на уровне отдельных штатов и даже на местном уровне) в целях улучшения их отношения к Китаю [19]. Всё это свидетельствует об углублении идеологизации противостояния США и КНР. Политика Вашингтона вполне обоснованно сталкивается с крайне негативной реакцией китайского руководства. Бывший посол России в КНР, один из ведущих современных китаистов А.И. Денисов в связи с этим отметил: “Начиная со времён президентства Дональда Трампа и до настоящего момента противостояние между Вашингтоном и Пекином сместилось в политическую и идеологическую плоскость” [32, с. 36].

Во многих американских разработках известных аналитических центров, связанных с аппаратом Совета национальной безопасности США, Министерством обороны США, Госдепартаментом, делается множество предположений о почти неизбежной крупномасштабной войне между США и КНР. Но немалое число разработок наце-

лено на поиск путей, которые позволили бы избежать такого взаимопасного развития событий. С этой точки зрения стоит обратить внимание на фундаментальный труд гарвардского профессора, бывшего заместителя министра обороны США Г. Аллисона (переведённый и изданный в КНР). Говоря о высокой степени вероятности войны между США и Китаем, Аллисон призывает к масштабным усилиям для её предотвращения; он считает, что “американские лидеры должны лучше понимать и уважать китайские коренные интересы” [33, с. 235]. А.И. Денисов, оценивая высокую степень рискованности и провокационности политики США в отношении КНР, пишет: “Вашингтон избрал курс балансирования на грани возможного, в том числе на грани войны” [32, с. 37]. Агрессивное дестабилизирующее поведение США отчётливо выражается в ситуации, которая складывается вокруг Тайваня.

Активное неприятие политического класса США касается и того очевидного факта, что Китай превратился в “мастерскую мира”, в то время как в Соединённых Штатах произошла масштабная деиндустриализация, что в значительной мере стало следствием политики американских ТНК. Последние в стремлении обеспечить повышение прибыльности своей деятельности на протяжении десятилетий переносили многие производства в зарубежные страны, в первую очередь в Китай. Такая стратегия, как считают теперь некоторые политики и бизнесмены, угрожает американской национальной безопасности, поскольку многие производственные цепочки, в которые включены США и их союзники, оказались в руках их наращивающего мощь соперника — потенциального противника в будущей войне. Сейчас политическое руководство США и ряда стран Европы предпринимает усилия для возврата промышленных предприятий из развивающихся стран (прежде всего из КНР) на свою территорию. По оценкам экспертов, “активнее всего этот процесс развивается в высокотехнологичных отраслях” [20, с. 57, 58]. Эту тенденцию можно рассматривать как один из признаков деглобализации.

Одновременно в США в последние годы принято большое количество протекционистских мер (не только влияющих на отношения с КНР, но и на отношения с рядом близких союзников США), серьёзно подорвавших режим ВТО как одного из основных институтов глобализации 1990-х — 2000-х годов. При администрации Трампа подобные протекционистские меры в случае с Китаем вылились в торговую войну. В США сформировалась единая позиция Республиканской и Демократической партий относительно ВТО: в нынешних условиях деятельность этой организации не соответствует интересам США. Почти все американские эксперты отмечают, что на

переговорах в рамках ВТО не удалось обновить правила международной торговли, связанные с влиянием факторов “нерыночной экономики” и “несправедливых торговых практик”, под которыми имеются в виду принудительная передача технологий и масштабные промышленные субсидии. Подчёркивается, что в рамках ВТО не пересмотрены обязательства стран-членов, касающиеся интеллектуальной собственности, чем активно пользуется Китай в своих коммерческих интересах [35, с. 5–15]. Однако меры, предпринятые администрациями Трампа и Байдена против ВТО, “подорвали один из двух основных режимов мирового порядка, который сами [США] и создали” [36, с. 40].

Одним из радикальных шагов Трампа, способствовавших деглобализации, стал выход из Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), а затем прекращение переговоров по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнёрству (ТАТИП). При внимательном рассмотрении значение таких действий Трампа трудно переоценить. Он решительно перечеркнул многолетние усилия предшествующих администраций в этой области, причём как демократов, так и республиканцев, отказавшись по ряду параметров от дальнейшей транснационализации американского бизнеса. Пришедший к власти после Трампа Байден, критиковавший своего предшественника за многие его действия во внешнеэкономической сфере, на деле продолжил политику республиканской администрации. Байден не стал возвращаться ни к ТТП ни к ТАТИП. Многочисленные торговые тарифы, противоречащие ВТО, введённые в действие администрацией Трампа, остались в силе и при администрации Байдена (особенно в отношении Китая) [37, с. 105]. В то же время 23 мая 2022 г. Байден запустил новое экономическое соглашение, названное Индо-Тихоокеанской экономической структурой (ИТЭС), в которое вошли 12 стран Индо-Тихоокеанского региона (помимо США, это Австралия, Бруней, Вьетнам, Индия, Индонезия, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, Южная Корея, Филиппины и Япония). Участники этого соглашения призваны развивать торговлю, цепочки поставок, “чистую энергию”, осуществлять меры по декарбонизации, гармонизировать налоговую политику, вести борьбу с коррупцией, развивать инфраструктуру [38]. Американские эксперты отмечают, что создание ИТЭС не означает возврата к ТТП, из которого вышли США при администрации Трампа. Многие говорят о том, что пока это довольно аморфное образование по сравнению с ТТП [39].

Апеллируя к интересам национальной безопасности США, Трамп ввёл санкции в отношении целого ряда китайских компаний. Наиболее ярким примером могут служить действия в отно-

шении телекоммуникационного гиганта “Huawei”, присутствующего на глобальном рынке и действующего во многом как ТНК. Были заблокированы действия этой компании по продаже технологий и услуг применительно к мобильной связи 5-го поколения (G5) в США и во многих других странах, в чём китайцы достигли значительных успехов. “Huawei” обвинялся в шпионаже и нечестной конкуренции, передаче госорганам КНР конфиденциальной информации о своих клиентах и т.п. По многочисленным экспертным оценкам и данным экономической статистики, такого рода санкции нанесли серьёзный финансовый ущерб многим китайским компаниям в сфере ИКТ.

США шаг за шагом ужесточают санкции в отношении высокотехнологичных отраслей Китая. В первую очередь это относится к технологиям, связанным с микроэлектроникой и искусственным интеллектом. В США введены довольно жёсткие запреты на поставки в КНР целого ряда критически важных технологий. Эти запреты распространяются на литографические машины, системы автоматического проектирования микросхем и на ряд других технологий выпуска микросхем, в которых КНР, как считается, зависит от США и их союзников [41, с. 77]. В последнее время усилия американцев направлены не только на то, чтобы затормозить развитие КНР в этих областях, но и чтобы снизить уровень китайской полупроводниковой промышленности, отбросить её назад. Аналогичные меры принимают близкие союзники США — Нидерланды и Япония — как ведущие производители оборудования для производства микроэлектроники [42]. Как отметила официальный представитель МИД КНР Мао Нин, американские ограничения экспорта микросхем представляют собой пример “научно-технической травли и торгового протекционизма”. По её словам, такие действия Вашингтона и его союзников, направленные на сдерживание Китая, противоречат принципам мировой экономики и подрывают стабильность глобальных цепочек производства и поставок [43].

В целом можно констатировать, что своими протекционистскими мерами и санкциями в отношении китайских компаний США нанесли сильный удар по принципам свободной торговли. Между тем по крайней мере с середины XIX в. США выступали как активнейший апологет свободной торговли, следование принципам которой оставалось неотъемлемой частью их внешнеполитической стратегии.

Идею свободной торговли взяла на вооружение КНР. Как уже отмечалось выше, при вступлении в ВТО Китай в ходе упорных и длительных переговоров добился многих преференций, обозначая себя (вполне оправданно на тот момент)

как развивающуюся страну. Такие же преференции получили и многие другие развивающиеся страны, включая Вьетнам, Малайзию, Индонезию. Китай полностью воспользовался теми возможностями, которые открывались со вступлением в ВТО. КНР достигла экстраординарных успехов в своём развитии, заняв исключительно значимые позиции в том числе и на американском рынке, а также на рынке стран ЕС. Одновременно благодаря сознательно проводимой государством политике Китай смог привлечь огромные инвестиции из развитых стран, в частности в высокотехнологичные производства, обеспечив масштабный доступ к новейшим технологиям. Десятки, а затем и сотни миллионов китайцев стали приближаться по уровню благосостояния к “золотому миллиарду”.

Высшее руководство КНР последовательно декларирует приверженность экономической глобализации, не упоминая социокультурные и идеологические её аспекты, на которые во многом делали ставку на Западе. Вскоре после прихода к власти в Соединённых Штатах администрации Д. Трампа Пекин заявил о возможностях Китая сыграть роль лидера в развитии этого процесса. Председатель КНР, генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин на встрече с канцлером ФРГ О. Шольцем 5 ноября 2022 г. заявил, что Китай будет “придерживаться правильного вектора экономической глобализации, продвигать мировую экономику” [44].

В совместном заявлении Президента России В.В. Путина и Си Цзиньпина по результатам визита китайского лидера в Москву в марте 2023 г. говорилось о том, что стороны будут “продвигать многополярное мироустройство, экономическую глобализацию и демократизацию международных отношений, содействовать развитию глобального управления в более справедливом и рациональном ключе”, а также что “стороны поддерживают построение открытой мировой экономики, отстаивают многостороннюю торговую систему, центральную роль в которой играет Всемирная торговая организация”, что “стороны намерены укреплять взаимодействие по вопросам поддержки многосторонней торговой системы, основанной на правилах ВТО, и борьбы с торговым протекционизмом” [45]. Декларируя приверженность экономической глобализации, многосторонней торговой системе на правилах ВТО, Россия и Китай в то же время последовательно борются за обеспечение собственного суверенитета в современной мировой политике.

О НЕКОТОРЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ США И КНР В УСЛОВИЯХ ИХ ПРОТИВОБОРСТВА

С 2016 г. Соединённые Штаты в качестве стратегической цели определили для себя реиндустриализацию национального хозяйства: по этому вопросу образовался двухпартийный консенсус. Такая политика предусматривает налоговые льготы, крупные государственные субсидии, инвестиции, дополнительные вложения в НИОКР, исчисляемые многими сотнями миллиардов долларов [41, с. 66–69]. В рамках реиндустриализации наращиваются усилия по переносу производств в США. Курс на реиндустриализацию сопровождается масштабными вложениями в обновление устаревшей инфраструктуры — дорог, мостов и других сооружений. В ноябре 2021 г. Дж. Байден подписал ранее принятый Конгрессом закон “Об инфраструктуре”. В соответствии с ним за счёт намеченных инвестиций в 1,2 трлн долларов на десять лет предполагается ежегодно создавать 1,5 млн новых рабочих мест. В первые пять лет инвестиции на эти цели должны превысить 350 млрд долларов [47, с. 7].

Всё это требует огромных затрат, прежде всего федерального бюджета США, который стабильно сводится с огромным дефицитом. При этом США не отказываются от наращивания расходов на военные нужды. Министр обороны Л. Остин сделал запрос на увеличение военного бюджета на 3,2% в 2024 ф.г. по сравнению с 2023 ф.г., причём военные расходы в 2023 ф.г. на 13,4% больше, чем в 2022 ф.г. По словам Остина, необходимость в этом “определяется серьёзностью... стратегического соперничества с КНР”. Предусматривается увеличение на 40% по сравнению с 2023 ф.г. инвестиций в Тихоокеанскую оборонную инициативу (Pacific Deterrence Initiative) [48].

Последний год, когда федеральный бюджет был профицитным, — 2007-й. Возможности наращивания федеральных бюджетных расходов во многом упираются в вопрос об увеличении потолка госдолга США, который достиг в 2023 г. 31,4 трлн долларов, что составляет около 120% ВВП страны [49]. Обсуждение этой проблемы стало предметом острого противостояния между республиканцами и демократами в Конгрессе США в апреле–мае 2023 г., которое закончилось компромиссом. В результате удалось избежать дефолта по платежам по ценным бумагам, выпущенным Казначейством США для покрытия госдолга. Республиканцы добились некоторого снижения расходов на приоритетные для демократов социальные программы, но обе фракции оставили без изменения растущие военные расходы, в том числе на оказание военной помощи Украине, которая ведёт войну против России в интересах США и их союзников.

С тенденцией реиндустриализации американского хозяйства во многом связан весьма значимый в современной мировой политике и экономике тайваньский вопрос. Американские аналитики отмечают, что даже мирное воссоединение Тайваня с Китаем чревато большими проблемами для национальной безопасности США. Дело в том, что контроль Пекина над Тайванем будет иметь масштабный эффект, включая нарушение глобальных цепочек поставок микропроцессоров последнего поколения [18]. По оптимистическим прогнозам, потребуется от двух до пяти лет, чтобы построить в США предприятия электроники, которые позволят компенсировать потерю Тайваня. Очень серьёзно оценивается угроза мировой экономике в случае конфликта США и КНР вокруг Тайваня, главным образом в силу того, что тайваньская компания TSMC производит 92% мирового потребления микропроцессоров самого передового уровня — с топологическими размерами 10 нанометров и меньше [46].

Со своей стороны власти КНР, декларируя приверженность экономической глобализации, усиливают меры государственной поддержки развития науки и технологий, высокотехнологичных производств на своей территории, повышения места своих компаний в глобальных цепочках добавленной стоимости. Усилия в этом направлении во многом связаны со сменой экономической модели, которая началась с провозглашения курса “двойной циркуляции”, которая предполагает не только экспортную ориентированность производства, но и резкое наращивание внутреннего потребления на китайском рынке. Переход к новой экономической модели сопровождается повышением роли Коммунистической партии и партийного руководства в жизни КНР. Основные положения новой концепции были изложены на 19 съезде КПК и объединены под название “Теория Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи” [50, с. 10, 11].

Суть стратегического подхода Китая к наращиванию научно-технического потенциала в 14 пятилетке определяется следующим образом: если предшествующие пятилетние планы в основном были нацелены на догоняющее развитие, то в новой пятилетке поставлена задача превращения Китая в глобальный инновационно-технологический центр и снижения его уязвимости перед лицом внешних потрясений посредством достижения большей самостоятельности и независимости в научно-технической сфере (опора на собственные силы). Таким образом, научно-техническая независимость страны рассматривается как стратегическая цель развития Китая [18, с. 105, 108].

Следует иметь в виду, что противоборство США и КНР разворачивается на фоне весьма вы-

сокой экономической взаимозависимости этих стран. К 2022 г. объём американо-китайской торговли достиг 755 млрд долларов, что составляет примерно 12% торгового оборота КНР в 2021 г., причём суммарный дефицит торгового баланса США в последние годы нарастает. Китай разместил значительную часть своих валютных резервов в казначейских облигациях США — на общую сумму около 1 трлн долларов. Экономика США оказалась в большой зависимости от китайского экспорта, причём речь идёт не только о дешёвых товарах массового потребления, но и о высокотехнологичной продукции, связанной с информационными технологиями, без которой США уже не могут производить собственные конкурентоспособные высокотехнологичные товары [32, с. 36].

Многие американские эксперты вполне отдадут себе отчёт в том, что протекционизм в отношении КНР, экономическая и политико-военная конфронтация с ней имеют свои пределы, что если их перейти, и США, и Китаю, и мировой экономике в целом грозит новая великая депрессия. Поэтому со стороны экспертного сообщества звучат призывы к Китаю осуществлять совместно с Соединёнными Штатами “конструктивное глобальное лидерство”, а к США — отказаться от сдерживания Китая [51]. Взаимозависимость США и КНР осознаётся и руководителями обеих стран. Так, премьер Госсовета КНР Ли Цян заявил на сессии Всекитайского собрания народных представителей 13 марта 2023 г., что “Китай и США тесно взаимосвязаны экономически и оба извлекли выгоду из развития другой стороны”, что они могут и должны сотрудничать, что их сотрудничество является многообещающим [52]. А министр финансов США Дж. Йеллен призвала к “конструктивным и справедливым отношениям между США и КНР”, отметив, что “полный разрыв экономик США и КНР приведёт к катастрофе обе наши страны и дестабилизирует всю планету” [53].

Свёртывание глобализации в том её виде, который был характерен для конца прошлого и начала нынешнего веков, нарастание деглобализации — процесс масштабный. Можно предположить, что он будет разворачиваться и далее. Очевидно, что реальные удары по глобализации нанесли не антиглобалисты, не страны так называемого третьего мира, а Соединённые Штаты Америки, которые проявили себя как явный лидер деглобализации под влиянием отмеченных выше идеологических, внутривнутриполитических и экономических факторов, главный из которых — изменение соотношения сил между США и КНР.

Что касается России, то процессы глобализации и деглобализации играли и играют большую роль в развитии как нашего общества, так и экономики, которая, как это неоднократно подчёркивалось высшим руководством страны, составляет важную часть мировой экономики. 26 мая 2023 г. В.В. Путин заявил: “Россия... является неотъемлемым участником глобальной экономики”, в которой “происходит глубокая, кардинальная трансформация” [51]. Экономическая и технологическая агрессия по отношению к России в рамках гибридной войны, которая ведётся США и их союзниками, вносит свой вклад в деглобализацию, усиливая тенденцию к нарушению глобальных экономических связей.

В новых геополитических и экономических условиях существенно возросло значение Китая для России. В официальных российско-китайских документах новая реальность характеризуется как “отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху”. А значит, исключительно важно выстраивать взаимовыгодные равноправные отношения наших стран на долгосрочную перспективу, в том числе с учётом процессов глобализации и деглобализации. Значительную роль в противостоянии коллективному Западу, в развитии процессов мировой политики и мировой экономики могут сыграть такие объединения, как ШОС и БРИКС, в которых весьма важную роль играет Россия.

Для нашей страны большое значение имеет то, какими темпами будут развиваться дружественные и нейтральные государства, на которые переориентируются российские внешнеэкономические связи, в том числе с точки зрения поставок на мировой рынок углеводородного сырья, а также продовольствия, удобрений и другой экспортной российской продукции. Очевидно, что от этого будет во многом зависеть состояние российского бюджета, вложения в экономические проекты и в социальную сферу, в науку, культуру, в оборону и безопасность. Всё это, безусловно, будет влиять на формирование новой социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кувалдин В.Б. Глобализация и национальное государство: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения. № 1. 2021. С. 5–13.
2. Олейнов А.Г. Экономическое будущее глобализации // Вестник МГИМО(У). 2018. № 4 (61). С. 92–106.
3. Громыко А.А. Современный мир: разгон противостояния “великих держав” // Европа в кризисном мире. М.: Весь мир; ИЕ РАН, 2022. С. 11–27.
4. Кравченко С.А. Геополитические вызовы и отечественная социология // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 51–62.
5. Кортунов А.В. Кризис миропорядка и будущее глобализации. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2020. С. 4–62.
6. Кравченко С.А. Цивилизационные вызовы устойчивому развитию России // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 2. С. 30–40.
7. Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / Отв. ред. А.А. Кокошин, А.Д. Богатуров. М.: КомКнига, 2005. С. 16–33.
8. Кокошин А.А. Обеспечение реального суверенитета России в современном мире // Вестник Российской академии наук. 2014. № 1. С. 1090–1097.
9. Сидоров А.А. США и Транстихоокеанское партнёрство: проблемы и перспективы // США & Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 11. С. 15–33.
10. Григорьев Л.М. Экономика переходных процессов. В 4 т. Т. 4. М.: ОГИ, 2021.
11. Беляева Л.А. Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 150–153.
12. Аганбегян А.Г. Кризис: беда и шанс для России. М.: АСТ, Астрель, 2009. С. 1–14.
13. Богомолов О.Т. и др. Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи. М.: Анкил, 2012. С. 1–384.
14. Мафуанг С. Влияние пандемии Covid-19 на перестройку глобализации и многосторонность // Русская политология. 2021. № 2 (19). Politolog_19.indd (rpolitology.ru) (Дата обращения 06.06.2023).
15. Ломанов А.В. Предвидеть “лебедя”, заметить “носорога” // Россия в глобальной политике. 2023. № 1. С. 138–152.
16. Nye J.S. The Logic of US–China Competition. Belfer Center for Science and International Affairs. May 06, 2022. <https://www.belfercenter.org/publication/logic-us-china-competition> (Дата обращения 06.06.2023).
17. Чжао Хуашэн. Маятник истории: тридцать лет после СССР // Россия в глобальной политике. 2021. № 6 (112). С. 106–123.
18. Грибова Н.В. Перспективы развития научно-технического потенциала Китая в 14-й пятилетке (2021–2025 гг.) // Проблемы национальной безопасности. 2021. № 6. С. 93–114.
19. Annual Threat Assessment of the US Intelligence Community. INTEL – Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community (Дата обращения 06.06.2023).
20. Гудкова Т.В., Сухорукова Д.М. Факторы трансформации глобальных цепочек добавленной стоимости // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 52 (11). С. 48–49.
21. National Security Strategy // The White House, October 2022. <https://www.4whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations->

- National-Security-Strategy-10.2022.pdf (Дата обращения 06.06.2023).
22. *Травкина Е.М.* США: меняющийся алгоритм развития / Институт США и Канады РАН. М.: Весь мир, 2018.
 23. *Сулян В.Б.* Американская модель капитализма: преимущества и вызовы XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 9. С. 90–97.
 24. *Irving D.* What would it Take to Close America's Black White Wealth Gap // The RAND Corporation. 2023. May 9. <https://www.rand.org/blog/rand-review/2023/05/what-would-it-take-to-close-americas-black-white-wealth-gap.html> (Дата обращения 06.06.2023).
 25. *Сучков М.А.* Закат РахАмерicana: миф или реальность? // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 1 (78). С. 170–182.
 26. *Daniller A.* Americans take a dim view of the nation's future, look more positively at the past. Pew Research Center. April 24, 2023. <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/04/24/americans-take-a-dim-view-of-the-nations-future-look-more-positively-at-the-past/> (Дата обращения 06.06.2023).
 27. *Самуйлов С.М.* Трамизм: раскол общества и элиты. М.: Весь мир, 2022.
 28. *Burek J.* The US-China Future: Competition and Collaboration with a Rising China. Belfer Center for Science and International Affairs. Fall 2022. <https://www.belfercenter.org/publication/us-china-future-competition-and-collaboration-rising-china> (Дата обращения 06.06.2023).
 29. *McBride J., Berman N., Chatzky F.* China's Massive Belt and Road Initiative. Council on Foreign Relations 2023. Febr. 2. China's Massive Belt and Road Initiative. Council on Foreign Relations (cfr.org) (Дата обращения 06.06.2023).
 30. *Ермаков Д.Н., Казенков О.Ю.* Америко-китайские отношения в условиях глобализации // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 8. С. 102–124.
 31. *Lawrence S.V., Shutter R.M.* China Primer: U.S. – China Relations. Congressional Research Service. February 2, 2023. IF10119 (congress.gov) (Дата обращения 06.06.2023).
 32. *Денисов Л.И.* Особенности современной американо-китайской стратегической конкуренции // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 1. С. 32–45.
 33. *Allison G.T.* Destined for War. Can America and China Escape Thucydides's Trap? Boston–N.Y.: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
 34. *Cronin P.M., Doran M., Rough P.* Geopolitical Implications of the Coronavirus // Hudson Institute. <https://www.hudson.org/research/15816-geopolitical-implications-of-the-coronavirus> (Дата обращения 07.06.2023).
 35. *Меньшикова А.М.* Позиция администрации Дж. Байдена в отношении Всемирной торговой организации // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 7. С. 5–15.
 36. *Несмаиный А.* Российский допинг для американской гегемонии // Россия в глобальной политике. 2022. № 6. С. 35–48.
 37. *Ушаков В.А.* Тенденции и перспективы социально-экономического развития США // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 1 (76). С. 84–119.
 38. Office of the United States Trade Representative Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF). <https://ustr.gov/ipef> (Дата обращения 07.06.2023).
 39. *Benson E., Riynolds G.* Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. 2022. Sept. 25. International Institute for Sustainable Development, 2022. <https://www.iisd.org/articles/policy-analysis/indo-pacific-economic-framework> (Дата обращения 07.06.2023).
 40. Is China's Huawei a Threat to US National Security? Council on Foreign Relations. February, 2023. <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-huawei-threat-us-national-security>
 41. *Перская В.В.* США: от экономики постиндустриальности к реальной промышленной политике // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 1 (76). С. 58–83.
 42. National Security Implications of Fifth Generation (5G) Mobile Technologies. Congressional Research Service. March 14, 2023. <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11251> (Дата обращения 07.06.2023).
 43. *Ремчуков К.* Китай наращивает запасы золота и продаёт гособлигации США в ожидании усиления санкций // Независимая газета. 10.05.2023. https://www.ng.ru/monitoring/2023-05-10/7_8719_monitoring.html (Дата обращения 17.06.2023).
 44. Си Цзиньпин встретился с канцлером ФРГ О. Шольцем. Синьхуа Новости. 05.11.2022. <https://russian.news.cn/20221105/73d5baac7b8e44ed994bd471b43ee780/c.html> (Дата обращения 17.06.2023).
 45. Совместное заявление РФ и КНР об углублении отношений всеобщего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступивших в новую эпоху // Российская газета. 21.03.2023. <https://rg.ru/2023/03/21/sovместnoe-zaiavlenie-rf-i-kr-ob-uglublenii-otnoshenij-vseobemliushchego-partnerstva-i-strategicheskogo-vzaimodejstviia-vstupaiushchih-v-novuiu-epohu.html> (Дата обращения 17.06.2023).
 46. *Martin B. et al.* What Taiwan's Dom: Dominance in Semiconductor Production Means for the US. The RAND Corporation, 2023. https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA2354-1.html (Дата обращения 17.06.2023).
 47. *Пороховский А.А.* Национальная инфраструктура как фактор экономического развития США // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 6. С. 5–20.
 48. Opening Testimony by Secretary of Defense. Lloyd J. Austin III. Before the House Armed Services Committee Budget Posture Hearing. March 29, 2023. US DoD. <https://www.defense.gov/News/Speeches/Speech/Article/3344458/opening-testimony-by-secretary-of-defense-lloyd-j-austin-iii-before-the-house-a/> (Дата обращения 17.06.2023).

49. Structure of Federal Debt and Extraordinary Measures. Congressional Research Service. May 2023. <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IN/IN12149> (Дата обращения 17.06.2023).
50. Виноградов А.В. Вступая во второе столетие КПК. От экономических реформ к политическим // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 10. С. 5–12.
51. Bergsten F. The United States vs. China: The Quest for Global Economic Leadership. Peterson Institute for International Economics. April 2022. <https://www.amazon.com/United-States-vs-China-Leadership/dp/1509547355> (Дата обращения 15. 04.2023).
52. Премьер Госсовета КНР: Китай и США могут и должны сотрудничать // Жэньминь жибао. 13 февраля 2023. <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0313/c31521-10221429.html> (Дата обращения 15.04.2023).
53. Мацуков С. Дженет Йеллен предупреждает, что разрыв экономических связей с Китаем может привести к катастрофе // Эксперт. 21 апреля 2023. <https://expert.ru/2023/04/21/yellen-kitay/> (Дата обращения 15.04.2023).
54. Встреча с главами правительств СНГ и ЕАЭС // Официальный сайт Президента РФ. 9 июня 2023. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71327> (Дата обращения 15. 04.2023).

PROCESSES OF GLOBALIZATION AND DEGLOBALIZATION IN CONDITIONS OF GROWING CONFRONTATION BETWEEN THE USA AND CHINA AND RUSSIA'S INTERESTS

A. A. Kokoshin^{1,2#} and Z. A. Kokoshina^{3,##}

¹*Institute for Advanced Strategic Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

²*Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

³*Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

[#]*E-mail: aakokoshin@gmail.com*

^{##}*E-mail: zlata.kokoshina77@gmail.com*

According to the authors of the article, issues of globalization and deglobalization need to be considered primarily through the prism of the growing confrontation between the two largest states in the world – USA and China. The scale and depth of this confrontation is growing; it is becoming more and more ideological, as well as political-military in character. United States due to a complex set of internal problems are now the main driving force behind deglobalization, although 25–30 years ago it was this country that was at the forefront of the reverse process – globalization. On the contrary, the leadership of the PRC, which has received great benefits from participation in the economic globalization, including within the framework of the World Trade Organization, persistently demonstrates its commitment to the growing economic interdependence of countries and regions. This commitment is noted, among other things, in Russian–Chinese documents of the highest level. The processes of globalization and deglobalization are of great importance for the socio-economic development of Russia, whose economy is part of the world economy, despite all the antirussian efforts of the collective West as part of its hybrid war against the Russian Federation.

Keywords: globalization, deglobalization, geopolitical confrontation, scientific and technological rivalry, protectionism, socio-economic development, global chains of added value, interests of Russia, new social reality of Russia.